

МИР ИНОЙ...

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТЬ

УДК: 393.05.3, 397.4, 398.321, 398.324, 902.21, 904
ББК: 63.3, 63.4, 63.5

С. В. ДМИТРИЕВ

(Москва)

Ю. ХОЛОТОВА-ШИНЕК

(Токио, Япония)

ЗАХОРОНЕНИЯ ДОЛИНЫ СУХОГО ТРУПА: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

***Аннотация.** Долина Сухого трупа, расположенная на северо-западе Синьцзяна (Восточного Туркестана), представляет собой одно из почти не изученных мест региона. Предварительные полевые наблюдения показывают, что, возможно, ее изучение может быть небезынтересно для археологов и этнологов.*

***Ключевые слова:** Центральная Азия, археология, этнология, кочевники, культы.*

Долина Ганьши-гоу 干尸溝 (Долина Сухого трупа)¹ расположена на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (исторический регион Восточный Туркестан), в 460 км к западу от г. Урумчи, столицы Синьцзяна, в автономном монгольском округе Боро-тала (Бор-э-р та-ла мэngu цзы-чжи чжоу 博爾塔拉蒙古自治州). Эта местность, находящаяся в 60 км от границы с Казахстаном, является южной оконечностью важного для истории кочевых народов региона Семиречье (Жетысу), простирающегося от озера Балхаш на севере до Тяньшаня на юге и ныне разделенного между Казахстаном, Китаем и Киргизией. В течение многих столетий эти места были сво-

его рода мостом между монгольскими и джунгарскими степями на востоке и казахскими (до того — кипчакскими) — на западе.

Долина находится в 8,5 км к северо-западу от озера Сайрам-нор (Сайлиму-ху 塞里木湖, некийтайское население области называет озеро Селим). В долину легче всего попасть через города Болэ (博樂市, по-монгольски — Боро-тала, административный центр одноименного автономного округа; находится в 85 км к северо-востоку от долины) и Вэньцюань (溫泉, некийтайское население пользуется казахским вариантом названия — Аршан; в 22 км к северу). Долина расположена на высоте 2100 м над уровнем моря, ориентирована с северо-запада на юго-восток, достигает 5 км в длину и около 1 км в ширину; со всех сторон она окружена горами (являющимися частью хребта Боро-хоро в составе Тяньшаня), средняя высота которых около 2450 м над уровнем моря (рис. 1). Горы к югу от долины чаще всего покрыты лесом, хвойным или смешанным; вершины, ограждающие долину с севера, в основном растительности лишены. В западной и северо-западной части долины протекает небольшая, но непересяхающая даже в жаркие месяцы река Отоксар (от названия реки происходит наименование долины, которое использует местное монгольское население; уйгуры и казахи, возможно, используют тюркский вариант китайского названия²). Весной в реку впадает множество

² Информант-уйгур в качестве названия предложил слово *Сьет* (на просьбу написать было написано латиницей — *Xiet*) и объяснил, что это значит то же самое, что и китайское *Ганьши-гоу*. К сожалению, точнее установить этимологию слова пока не удалось. Возможно, параллели можно видеть в уйгурском *jeset* — «тело, труп».

¹ Географические координаты: 44° 46' 183'' северной широты, 81° 01' 871'' западной долготы. Фотографии долины см.: [Забрин 2014].

ручейков и протоков, стекающих с гор и пересыхающих к лету. Руслу ручьев пересекают долину во многих местах, они, помимо прочего, играют значительную роль в складывании рельефа местности, вымывая со склонов гор камни разных размеров и усеивая ими поверхность долины. В целом благодаря тому, что долина хорошо защищена от зимних ветров и неплохо орошается, она в течение всего лета сохраняет травяной покров и считается среди местных кочевников хорошим зимним пастбищем. Вероятно, так было и много веков назад. В то же время растительность в долине не слишком пышная (и, видимо, на протяжении столетий в основном съедается скотом), что, вкупе с выветриванием, обеспечивает крайне незначительный прирост культурного слоя.

Историческую важность этих мест отмечал уже Поль Пеллиу, который полагал, что к югу или к юго-востоку от Сайрам-нора во времена первых наследников Чингисхана находился город Болод или Болок (Bolod, Boloc) [Pelliot 1973, 141—142], где Гийом Рубрук во время своего путешествия встретил многочисленную колонию немецких (*Teutonicis*) рабов, захваченных во время похода монголов в Европу и принадлежавших Бури, внуку Чагатая. Здесь они добывали золото и изготавливали для своего господина оружие [Wyngaert 1929, 224—225].

В августе — сентябре 2006 г. был осуществлен осмотр и предварительное картографирование археологических памятников долины, а также опрос информантов³. Возможностей проведения даже выборочной археологической разведки, к сожалению, не было. Судя по всему, долина никогда не привлекала интереса ученых⁴, несмотря на то что

³ Все полевые данные были собраны С. В. Дмитриевым летом 2006 г. Предварительные результаты исследований были опубликованы в статьях: [Dmitriev, Holotova-Szinek 2007; Дмитриев, Холотова-Шинек 2011].

⁴ В одной из обзорных статей об археологических памятниках региона отмечен объект Аньгэликесян, в пояснении сказано, что там находятся «древние могилы». Это место расположено вблизи северо-западного берега Сайрам-нора, т. е., возможно, поблизости от Ганьши-гоу (плохое качество

в ее пределах на сравнительно небольшой территории находится большое число весьма разнообразных археологических памятников.

Эти памятники, представляющие собой хорошо заметные на поверхности захоронения⁵, в обилии фиксируются на территории долины; при этом ни один из них, насколько нам известно, не отмечен за ее пределами. Захоронения концентрируются в трех хорошо отделяемых друг от друга зонах, обозначенных нами как А, В и С (см. рис. 1). Самая западная из них (А) расположена по обоим берегам реки Отоксар; две другие, В и С, расположены в восточном конце долины и разделены небольшим, но заметным на в целом плоской долине вытянутым холмом, пересекающим долину.

Основываясь на наших наблюдениях, мы постарались разработать предварительную классификацию памятников. Ее основным принципом стало разделение памятников на несколько типов по их внешнему виду: форме, размерам и материалам, использованным при их сооружении. Разумеется, точная датировка захоронений невозможна без проведения хотя бы выборочного археологического изучения памятников, но даже анализ их внешнего вида может, как нам кажется, привести исследователя к ряду интересных выводов.

и небольшой масштаб карты не позволяющий определить место точнее) [Синьцзян вэнью пуча баньгун-ши 1990, 100]. Нам ничего не известно о раскопках этого объекта. Отсутствие же интереса ученых к Долине Сухого трупа подтверждается как тем, что на местности не заметно каких бы то ни было следов археологического изучения объектов, так и тем, что местное население, в жизни которого крайне мало событий, о приезде ученых ничего не сообщает.

⁵ Естественно, с уверенностью утверждать, что мы имеем дело именно с захоронениями, без проведения археологических раскопок несколько самонадеянно. Однако учитывая сходство осмотренных объектов с захоронениями, хорошо изученными археологами в Монголии, Казахстане и Южной Сибири (об этом см. ниже), нам кажется вполне оправданным предположить именно такое предназначение описываемых памятников.

Первая группа (тип I) памятников по предложенной нами классификации объединяет крупные объекты кольцеобразной формы, достигающие 30 м в диаметре (см. стр. 3 обложки, фото 3). В центре такой конструкции обычно находится каменная насыпь диаметром около 4 м; как правило, для этого использованы необработанные камни среднего размера, от 20 до 40 см в поперечнике. Вокруг центральной насыпи возведено двойное кольцо из камней, в среднем имеющих 20—30 см в диаметре. Подобные сооружения отмечены только в зоне В, где зафиксировано три захоронения этого типа, причем одно из них выделяется из общей массы своей центральной насыпью, достигающей 8 м в диаметре⁶; к тому же на северо-западной стороне каменного кольца вертикально установлены два плоских камня высотой в 50—60 см, которые формируют своеобразные ворота: на участке между ними (около 1 м) кольцо разорвано.

Некоторые памятники меньших размеров, как кажется, являются сопутствующими сооружениями и тяготеют к описанным крупным объектам. К ним, например, относятся небольшие каменные круги диаметром в 1,5—2 м, сло-

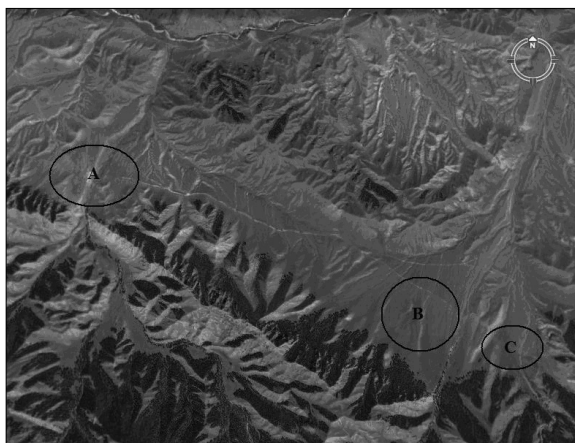

Рис. 1

женные из вытянутых по форме камней 30—50 см в длину, наклоненных к центру круга. Несколько таких колец найдено в зоне В, в непосредственной близости от крупных памятников первого типа.

Возможно, не будет слишком рискованным провести параллель между захоронениями первого типа и так называемыми *херексурами* (*керексурами*)⁷, которые в основном датируются бронзовым веком⁸, — сооружениями, в значительном количестве встречающимися в центральной и западной Монголии, Забайкалье и на юго-востоке Казахстана (т. е. в непосредственной близости от рассматриваемого района). *Херексуры* весьма разнообразны, но сохраняют сходство основных черт: центральная каменная насыпь, окруженная кольцеобразной или прямоугольной оградой, сложенной из небольших камней. Если наше предположение верно, то памятники Долины Сухого трупа с их двойными кольцами, видимо, представляют локальный вариант, встречающийся только на территории китайского Восточного Туркестана (см.: [Синьцзян энью пуча баньгун-ши 1990, 62—102, илл. 66, 76]).

⁷ Буквально — «киргизские могилы». Так называло эти сооружения местное монголоязычное население в конце XIX в., подробнее см.: [Pelliot 1944].

⁸ Разные авторы предлагают очень различные датировки херексуров: от 3-го тыс. до н. э. до VI в. н. э. Разброс мнений говорит о том, что вопрос этот еще рано считать решенным. См.: [Cybiktarov 2003, 80—81].

⁶ В центре этого скопления насыпано небольшое позднейшее *обо*, знак почитания могилы современными насельниками долины. Так называют груды камней, которые возводятся монголами на горных вершинах, перекрестках дорог, в почитаемых местах. Каждый проходящий мимо *обо* должен добавить к нему еще камень в качестве приношения духу места. Почитаемые *обо* достигают внушительных размеров, украшаются лентами, хадаками и молевыми флагами, привязываемыми к палкам и жердям, воткнутым между камнями; прохожие приносят к *обо* алкоголь и пищу. Культ *обо*, без сомнения, очень древний и коренится в монгольских традиционных верованиях, однако сейчас он полностью абсорбирован буддизмом, у многих *обо* регулярно проводятся буддийские молебны. В местах, о которых идет речь, роль монголов традиционно велика, и *обо* почитаются как китайцами, так и уйгурами и казахами, исповедующими ислам.

Большинство изученных *херексуров* находятся на территории Монголии и Забайкалья, археологические раскопки показали, что эти сооружения чаще всего были захоронениями [Cybiktarov 2003, 83—84]. Почти всегда они окружены разнообразными сопроводительными объектами, например выложенными из камней небольшими кругами, в каждом из которых находят погребенное приношение — например, голову лошади [Allard, Erdenebaatar 2005, 547—563]. Вокруг одного *херексура* может быть сосредоточено несколько сотен таких мелких памятников, возможно, расположенных в строгом порядке, пока не известно исследователям. В Монголии в орбите *херексуров* нередко находят и так называемые оленные камни⁹.

К классу Ia нам кажется верным отнести каменные кольца разной степени правильности и сохранности, диаметром от 4 до 8 м, которые встречаются во всех трех зонах долины. При этом в зоне В они могут входить в число памятников, сопровождающих захоронения типа I, но, с другой стороны, в зонах А и С они также довольно многочисленны, хотя объектов первого типа там нет. Таким образом, это могут быть и совершенно независимые сооружения. Судя по всему, на этот вопрос можно будет ответить только после археологического изучения.

Ко второму классу (тип II) памятников мы отнесли самые многочисленные сооружения долины: линзовидные каменные насыпи диаметром от 6 до 10 м (см. стр. 3 обложки, фото 4). В зоне А эти памятники объединены в группы по два или три объекта, заметно их наличие, несмотря на обилие сооружений других типов, и в зоне В. Памятники этого типа представляют собой круги, поверхность которых достаточно равномерно замощена камнями разного раз-

мера, от средних (10 см в диаметре) до более крупных (30—40 см в диаметре), причем центр обычно засыпан более мелкими обломками (границы круга иногда отмечены крупными валунами, достигающими в размере 50—60 см). Вероятно, эти объекты можно ассоциировать с захоронениями железного века, принадлежащими скифам или сакам, населявшим регион с VIII в. до н. э. по II в. н. э. [Les Saka du Xinjiang 1990].

Среди сооружений зоны А встречаются небольшие каменные кольца диаметром в 4—5 м, сложенные из крупных необработанных валунов, в центре которых лежат плашмя более крупные плоские камни размером до 1 м. Трудно сказать, сопровождают ли эти сооружения захоронения типа II или их стоит выделить в отдельный тип.

К третьей категории (тип III) мы отнесли три своеобразных памятника, сосредоточенных в зоне А. Эти сооружения представляют собой прямоугольные ограды, сложенные из крупных необработанных камней 30—50 см в длину (см. с. 3 обложки, фото 5). Все сооружения расположены рядом и ориентированы по направлению восток — запад. Два из объектов имеют размер 2 на 3 м, третье несколько меньше — 1,5 на 2,5 м. Неподалеку от оград обнаруживаются довольно длинные (длиной до 5—6 м) ряды камней, незамыкающиеся в ограды. Камни, из которых сложены эти ряды, или стенки, напоминают по размеру и внешнему виду те, из которых сложены ограды. Исходя из морфологических особенностей, памятники этого типа, возможно, могут быть соотнесены с так называемыми плиточными могилами [Членова 1992, 247—354]. Однако эти могилы до сих пор находили только в Забайкалье, в центральной и западной Монголии и Внутренней Монголии, чаще всего они встречаются в тех же местах, что и *херексуры*, образуя с ними обширные ансамбли. Многочисленные исследования культуры плиточных могил в России, Монголии и Китае позволяют отнести ее к концу бронзового — началу железного века. В инвентаре этих могил встречается как бронзовое, так и железное оружие, а также металлическая упряжь. Однако исходя

⁹ Оленные камни на протяжении нескольких десятилетий были объектом многих исследований советских (позже — российских) и монгольских ученых. Сравнительно недавно раскопки, проведенные экспедицией Смитсониевского института (США), дали возможность получить радиоуглеродные датировки нескольких камней, результаты находятся в пределах с 1200 до 900 гг. до н.э. (см.: [The Deer Stone Project 2005]).

из характерной группировки трех сооружений, а также наличию отдельных незамкнутых рядов, не исключено, что в Ганьши-гоу мы имеем дело скорее с памятными *оградами* тюркской эпохи (V—VIII вв. н. э.), напоминающими те, что были обнаружены в ряде районов Алтая посредством археологических раскопок и спутниковой съемки местности [Bourgeois, Gheyle 2005].

Судя по предварительному анализу, все описанные памятники построены из местных материалов. И сейчас, благодаря сильной эрозии и деятельности сезонных водных потоков, размывающих окружающие горы, в долине нет недостатка в камнях разной формы и размера. Как кажется, использованные камни обычно не подвергались обработке, хотя в ряде случаев, возможно, строителями и были приложены некоторые усилия, чтобы придать им желаемую форму. Но таких случаев немного, и правильная форма камней может быть и естественного происхождения.

Как мы упоминали, долина обладает благоприятным микроклиматом: благодаря защищающим ее горам здесь более долгое лето и малоснежная зима, достаточно воды и хватает травы — всё это крайне важно для кочевого скотоводства, особенно в этом суровом краю. Возможно, что все эти природные преимущества могли и должны были сделать долину популярной среди кочевников не только в настоящем, но и в прошлом. Судя по анализу археологических памятников, находящихся в долине, можно предположить, что долина входила в ареал обитания многих культур, которые, используя отдельные районы живописной долины в качестве некрополя, сменяли друг друга на протяжении столетий, если не тысячелетий. Конечно, для подтверждения этой гипотезы нужны более тщательные археологические исследования, предложенная классификация ни в коей мере не может претендовать на роль окончательной. Изучение Долины Сухого трупы могло бы многое добавить к нашим знаниям об истории региона начиная с бронзового века и кончая эпохой господства еще не исламизированных тюрков. Большой удачей для исследователя стало то, что памятники столь хорошо сохранились, не были

разрушены или закрыты более поздними культурными напластованиями. Мы искренне надеемся, что шанс этот не будет упущен.

Рассматриваемый регион крайне интересен и сложен с точки зрения этнического состава. Хотя в последние десятилетия за счет мигрантов разной степени добровольности значительно вырос процент китайцев, в сельских районах они по-прежнему не слишком заметны. Лицо местного населения в основном определяют монголы, которые, в свою очередь, делятся на две четко разделенные группы. К первой из них относятся торгоуты, потомки калмыков, в конце XVIII в. бежавших из Российской империи и после долгого и изнурительного марша, сопровождавшегося огромными потерями, вернувшихся в китайские пределы. Здесь они были расселены Цинским правительством вдоль границ в Семиречье и Джунгарии, земли которой опустели после разгрома маньчжурами Джунгарского ханства. Нынешние торгоуты сохранили родной язык и память о бегстве из России. Вторую группу, которая традиционно считается более уважаемой, чем торгоуты, формируют чахары. Они тоже не являются автохтонными насельниками этих мест и прибыли сюда лишь немногим раньше, чем торгоуты, в середине XVIII в. Как известно, исконные кочевья чахар находились в северной части современной провинции Хэбэй, недалеко от Пекина, однако их хан Лигден, последний чингизидский великий хан, выступил против растущего Маньчжурского государства и в 1634 г. был разбит, а его племя подчинено. В начале правления императора Цяньлуна (1711—1799 гг., правил с 1736 по 1795 г.) часть чахаров была переселена на новую границу, с целью охранять ее от казахских набегов. Видимо, положение представителей центральной власти, принадлежность к «знаменным» войскам предавали чахарам особый статус, следы которого заметны и сейчас. Они редко смешиваются с представителями других народов, в том числе с торгоутами, сохраняют родной язык. Кажется, средний уровень образованности среди чахаров также несколько выше, чем среди их соседей (кроме китайцев).

Значительную часть населения региона составляют казахи, причем среди них довольно четко различаются потомки тех семей, которые жили в регионе издавна (таких меньшинство), и остальные, чьи предки (числом около 300 тыс.) перешли границу в 30-е гг. XX в., пытаясь спастись от страшного голода — результата сталинской политики насильственной седентаризации и загона казахов в колхозы. Тогда от голода и репрессий погибло около 1,5 млн казахов, неудивительно, что многие бежали из родных мест, тем более что в тот момент Китая, раздираемому гражданской войной и японской агрессией, было совсем не до своих западных окраин. Через некоторое время, когда НОАК ликвидировала Вторую Восточно-Туркестанскую республику (1944—1949), где значительную роль играли казахи, часть ее жителей снова бежала, на этот раз в Советский Союз, но процент казахов в регионе остался значительным.

Современные казахи сохраняют определенную неприязнь к чахарам, на почве которой регулярно происходят столкновения и даже массовые драки с применением оружия. Эта неприязнь, с одной стороны, коренится в более чем вековой истории взаимных набегов (не будем забывать, что чахары были поселены здесь именно для того, чтобы противостоять казахским вторжениям), с другой — в том, что казахи, прибывшие в 30-е гг., стали претендовать на часть пастбищ, что вызвало отпор у традиционных насельников региона. Интересно, что религиозные разногласия, как кажется, играют наименьшую роль в этих трениях. Более того, казахи очевидно находятся под сильным культурным влиянием чахаров: почти все они говорят по-монгольски (монгольский вообще является *lingua franca* данного региона, единственным языком, на котором говорят все, в том числе китайцы), нередки случаи принятия буддизма. Да и мусульмане этих мест, в отличие от жителей сравнительно близко расположенной уйгурской Кульджи (Инин), одного из основных центров исламского фундаментализма и борьбы за независимость Восточного Туркестана сегодня, как кажется, не слишком разбираются в тонкостях своей рели-

гии и в ритуальной практике, зачастую следуют буддистам (поклоняются *обо*, приносят к почитаемым местам бутылки с водкой и т. п., что, конечно, совершенно невозможно в каноническом исламе).

Уйгуры, довольно многочисленные как среди городского населения, так и среди кочевников, судя по всему, поселились в регионе сравнительно недавно и находятся под сильным влиянием монголов, хотя в крупных конфликтах обычно поддерживают единоверцев-казахов. Уйгуры и казахи обычно беднее и менее образованны, чем монголы, особенно чахары.

Опрос местного населения не позволил собрать много информации о памятниках Долины Сухого трупа. Судя по всему, эти сооружения не относятся к особо почитаемым (из трех *обо*, введенных в долине, лишь одно отмечает древнее захоронение, остальные находятся на природных возвышенностях), вблизи них ставят юрты и пасут скот; кажется, их не слишком замечают и мало отличают от рельефа. Казахи чаще всего рассказывают, что это — могилы казахских *батыров*, которые погибли во время страшной битвы с монголами и были, ввиду огромного числа трупов, похоронены прямо на поле битвы. О датировке битвы говорится, что это было во времена Чингисхана, который и командовал монголами в этой битве, «лет двести назад». Впрочем, как мы уже отмечали, никакого особенного почтения к могилами казахи не выказывают, что заставляет склоняться к мысли, что вряд ли в них действительно погребены их герои-предки.

Чахары либо ничего не знают о захоронениях, либо полагают, что это могилы «монгольских героев эпохи Троецарствия» (т. е. III в. н. э., в этой датировке явно заметно влияние китайского школьного образования). В любом случае все информанты-монголы уверены, что могилы эти очень древние, потому что на протяжении примерно 500 лет, после принятия буддизма, монголы не предадут своих покойников земле, в основном оставляя трупы в степи для диких птиц и зверей. Сейчас эта практика запрещена, но, судя по ряду наших наблюдений, кочевые монголы всё равно не отступают от нее. При этом монголы

яростно отрицают предположение, что эти могилы могут принадлежать казахским героям, на основании того что «у этих казахов никогда не было и не могло быть ни одного героя».

Интересно, что чахары тоже помнят про битву, бывшую в этой долине. По их словам, это было около середины XIX в., когда крупный отряд казахов вторгся на территорию Бор-тала. Казахи угнали множество скота и пытались увести его к себе, но в этой долине были настигнуты чахарами и уничтожены.

К этой битве, которая, конечно, не могла стать причиной появления описанных захоронений, возможно, имеет отношение интересный объект локального культа, который, как кажется, имеет большую ценность для этнолога. Это — давшая название долине мумия. Она сохраняется в небольшом гроте, или, скорее, трещине в северном склоне одной из скал к югу от долины, фактически под открытым небом. Деревья вдоль дороги, а также сам грот обильно украшены кусками красной и белой ткани (см. с. 3 *обложки, фото 1*). Рядом с гротом укреплено большое (примерно 3 на 3 м) белое полотно, почти сплошь покрытое надписями на монгольском, казахском, уйгурском и китайском языках. В большинстве случаев это молитвы, обращенные к мумии, с просьбой защитить семью просящего, вылечить больного и т. п. Подобными же надписями заполнена школьная тетрадь с привязанной шариковой ручкой, лежащая рядом с гротом, а также все прочие пригодные для этого поверхности. Самая старая датированная надпись относится к 2004 г., что говорит скорее не о молодости культа, а об активном посещении места верующими, которые быстро заполняют своими просьбами все подходящие носители.

Перед гротом, судя по всему, недавно установлена гранитная стела высотой около 1 м. На ней изображен золотой полумесяц, арабское посвящение «Аллаху, милостивому, милосердному», после чего по-казахски в современной («джадидской») орфографии и араб-

Рис. 2

ской графике указано, что здесь упокоился Султан-бек, сын (или потомок) Мурат-бека, сообщены его даты жизни (1839—1860), причем использованы европейские цифры, но дата рождения написана справа, а смерти — слева. Указано, что стела поставлена Кенже-хаджи, сыном Нурсагата¹⁰ (видимо, это какой-то местный мусульманский религиозный авторитет, ведающий исламской стороной культа мумии).

Судя по стеле, покойный должен быть почитаем среди мусульман, однако всё указывает на то, что круг верующих гораздо шире, да и само место говорит о том, что культ мумии синкретический и церемониал гораздо ближе к буддийскому, чем к мусульманскому: у грота стоят подставки для курения благовоний, в обилии встречаются поднесенные молящимися деньги, бутылки водки и пища; небольшая долина под гротом, судя по лежащим там закопченным котлам и чайникам, является местом регулярных трапез верующих. Местное буддийское духовенство также почитает мумию и время от времени проводит у грота молебны. Всё это хорошо демонстрирует религиозный синкретизм, характерный для региона.

Сама мумия (естественно, речь идет о естественной мумификации, примеры которой нередки в сухом климате Восточного Туркестана) представляет собой скелет, покрытый высохшей плотью желтоватого цвета, очень хорошей сохранности (рис. 2). Без дополнитель-

¹⁰ Авторы благодарят за перевод текста стелы В. Н. Настича.

ных исследований трудно сказать, каким был этот человек при жизни, но, судя по хорошему состоянию зубов, он был сравнительно молод.

Труп лежит на правом боку, с лицом, обращенным к юго-западу (т. е., по объяснению информантов-мусульман, в сторону Мекки). Левая нога мумии сильно повреждена, кусок плоти ниже колена отделен и видна кость (см. с. 3 обложки, фото 2). Мумия частично укрыта большим куском белого шелка.

Обилие буддийских элементов в культе, равно как и исключительный объект поклонения (насколько нам известно, ни в одном из известных *мазаров* предметом культа не является мумия), как кажется, несколько выделяет объект из основного числа *мазаров*, центров локальных культов, широко распространенных в Центральной Азии и особенно в Восточном Туркестане. Многие *мазары* представляют собой настоящие мавзолеи над могилами чтимых мусульманских святых, некоторые, очевидно, являются святилищами доисламских культов (это могут быть, например, камни странной формы, старые деревья), воспринятыми новой религией. Такие объекты часто находятся вдалеке от жилья, нередко их украшают лентами и кусками ткани, у многих *мазаров* устраиваются угощения и съезды местного населения, что совпадает с описанным нами объектом [Норре 1998, 125; Чвырь 2006, 180—181].

Нами зафиксировано несколько историй, объясняющих появление мумии. Наиболее проработанная из них популярна среди казахов и уйгуров. Она гласит, что это Султан-бек, молодой казахский полководец, который был смертельно ранен в битве с монголами, о которой мы говорили выше. Истекая кровью, он нашел этот грот, чтобы умереть в нем. Перед смертью он отпустил своего боевого коня, написал на седле свое имя, подложил его под голову и, повернувшись к Мекке, скончался. Через год его конь, сумевший вернуться домой, привел к месту последнего упокоения своего хозяина его старшего брата, который обнаружил, что тело брата нетленно, а сам он, судя по тому, что нашел в себе силы перед смертью повернуться к Мекке, умер как *шахид*.

Монголы не разделяют этой версии. Как мы уже отмечали, в монгольской топонимике долины (в отличие от китайской, казахской и уйгурской) мумия никак не отражена. Информанты-чахары предположили, что это мумия какого-то несчастного казахского бродяги, который забрел в долину и умер тут от голода. Впрочем, они были явно поставлены в тупик вопросом, почему же в таком случае монголы почитают мумию ничуть не меньше казахов. После недолгого размышления они предложили версию, что это, видимо, какой-то монгольский герой или святой, которого «эти казахи присвоили, как и наши пастбища». Судя по всему, у монголов нет развитой версии происхождения мумии и они почитают нетленное тело как чудесный феномен и показатель святости его обладателя, не слишком задумываясь о том, кем был этот человек.

Конечно, чтобы точно датировать мумию, необходимы лабораторные исследования. Надо сказать, что ее нахождение в гроте представляет собой настоящее чудо для современного Синьцзяна, где поиск мумий стал своего рода местным спортом, поскольку каждый музей хочет обладать таким завидным экспонатом для привлечения посетителей. Как кажется, это еще один довод в пользу нашего предположения, что Долина Сухого трупа еще никогда не становилась объектом внимания ученых.

Литература

- Дмитриев, Холотова-Шинек 2011 — Дмитриев С. В., Холотова-Шинек Ю. Долина Сухого трупа — очерк предварительных археологических и этнологических исследований // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ученые записки Отдела Китая. Вып. III. М., 2011. С. 305—313.
- Забрин 2014 — Забрин Я. Менгел. Две реальности. М., 2014.
- Синьцзян вэньу пуча баньгун-ши 1990 — Синьцзян вэньу пуча баньгун-ши, Бо-чжоу вэньу пуча-дуй (Синьцзянская контора исследований культурных памятников, группа исследований культурных памятников округа Боро-тала). Боэртала Мэнгу цзычжи-чжоу вэньу пуча цзыляо (Источники для исследования культурных памятников автономного монгольского округа Боро-тала) // Синь-

цзян вэньу (Культурные памятники Синьцзяна). 1990. № 1. С. 62—102.

Чвырь 2006 — Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX—XX веках. Очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006.

Чденова 1992 — Чденова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 247—354.

Allard, Erdenebaatar 2005 — Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. Vol. 79, 2005. P. 547—563.

Bourgeois, Gheyle 2005 — Bourgeois J., Gheyle W. The Frozen Tombs of the Altai Mountains. Gent, 2005.

Cybiktarov 2003 — Cybiktarov A. D. Central Asia in the Bronze and Early Iron Ages. (Problems of Ethno-Cultural History of Mongolia and the Southern Trans-Baikal Region in the Middle 2nd — Early 1st Millennia BC // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2003, 13, 1. P. 80—97.

Dmitriev, Holotova-Szinek 2007 — Dmitriev S., Holotova-Szinek J. La vallée de Ganshigou: note sur une enquête archéologique et ethnographique // *Arts Asiatiques*; Tome 62—2007. P. 146—151.

Hoppe 1998 — Hoppe T. Die ethnischen Gruppen Xinjiangs: Kulturunterschiede und interethnische Beziehungen. Hamburg, 1998.

Les Saka du Xinjiang 1990 — Les Saka du Xinjiang avant les Han (206 av. — 220 ap. J.-C.): Critères d'identification // *Nomades et sédentaires en Asie Centrale* / ed. Debaine-Francfort C. Paris, 1990. P. 81—95.

Pelliot 1944 — Pelliot P. Le terme kereksur // *T'oung pao*, vol. 37 (1944). P. 114—124.

Pelliot 1973 — Pelliot P. Recherches sur des chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient. Paris, Fondation Singer-Polignac, 1973.

The Deer Stone Project 2005 — The Deer Stone Project: Anthropological Studies in Northern Mongolia 2002—2004 / eds. Fitzhugh W. W., Bayarsaikhan J., Marsh P. K. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution and National Museum of Mongolian History. Washington, 2005.

Wyngaert 1929 — Wyngaert, A. van den. Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV. Quaracchi-Firenze, Collegium Sancti Bonaventurae, 1929.

Summary. *Dried Corpse Valley which is located at the north-west of Xinjiang, China, seems to be very interesting and for now almost unexplored site of great interest for archeologist and ethnologist.*

Key words: *Central Asia archeology ethnology nomad cults*

МИРЬЯНА ДЕТЕЛИЧ
(Белград, Сербия)

МОГИЛА В ЛЕСУ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО КОДОВ В ЭПОСЕ¹

Аннотация. В традиционной культуре балканских славян **гора** (гора; лес) — это место с множеством негативных коннотаций, всегда дикое, чужое и опасное, с отчетливыми хтоническими характеристиками. Как следствие, в эпосе гора становится кульминацией всех активных сюжетных линий песни, откуда действие может двигаться лишь к трагическому концу. Более того, тот, кто умирает в лесу, — там и остается, так как в традиционной культуре запрещается хоронить нечистых покойников в освященной земле. Поскольку личного греха на них обычно нет, их могилы снабжаются источником воды, скамьей и цветами или плодами, чтобы отметить место их гибели и принести жертву их душам.

Ключевые слова: лес/гора, смерть, могила, плод, цветы, вода.

В традиционной культуре балканских славян лес² — это локус с максимально возможным количеством негативных коннотаций: он всегда, без исключения, дикий и чужой³, чаще всего опасный (*никад није пуста / без звуковах*

¹ Работа выполнена в рамках проекта 178010 «Язык, фольклор, миграции на Балканах» (Институт Балканских исследований САНУ) при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Сербия.

² Србх. *гора* означает одновременно и гору, и лес (в горах) (*Прим. пер.*).

³ Лишь однажды это правило было нарушено: когда, с ростом хайдуцкой войны против турок-осман, лес (в котором они обитали «от Юрьева до Дмитрова дня») в эпике стал «своим», а города (в которых жили преимущественно турки) приобрели характеристики «чужого» пространства. Все остальные населенные пункты располагались на этой шкале по мере того, как в них проникали хайдуки (с помощью сообщников и под.) (ср.: [Детелич 1992]).